

— Не смей вешать нос.

Эти слова Хэ Бугуя пролились на иссохшую от тревоги душу Юй Уцюэ долгожданным дождем. Ярость, рожденная несправедливостью и обидой, утихла, а разум мгновенно прояснился.

В отличие от того пира, когда на него безжалостно свалили чужую вину, теперь Хэ Бугуй заступился за него без лишних расспросов. Это поразило Юй Уцюэ до глубины души.

Возможно, сказались два месяца в Парящем дворце, где он преданно прислуживал бессмертному. Каким бы холодным и отстраненным ни притворялся Хэ Бугуй, между ними возникла та незримая связь, что отличает близких от чужаков. А может, дело было в негласном родстве душ: оба они были мастерами марионеток. К тому же Юй Уцюэ всегда относился к учебе с исключительным рвением, а ни один наставник не отвергнет прилежного ученика. Возможно, в нем просто проснулась жалость к чужому таланту.

Или же его сердце дрогнуло при виде ран, которые юноша получил по собственной глупости.

Юй Уцюэ перебрал в уме еще несколько льстящих его самолюбию причин, но тут же отбросил их. Неважно, что именно двигало наставником. Если прежде слова «бессмертный ко мне добр» были лишь попыткой утешить себя, то теперь, глядя на хрупкую, но непреклонную спину Хэ Бугуя, вставшего на его защиту, юноша ощутил глубокую, искреннюю благодарность. Хэ Бугуй защищал его молча, даруя свое доверие. И в этот миг Юй Уцюэ впервые по-настоящему захотелось признать: «Он и правда очень добр ко мне».

Пока главный «виновник торжества» предавался запоздалой благодарности, послушно замерев на носилках под защитой могучей фигуры Бессмертного Тайвэя, толпу окончательно взорвало упрямство представителей других школ.

К пересудам за спиной Хэ Бугую было не привыкать, однако подставлять под удар старшего брата и сестру не хотелось. Он быстро прикинул: если эти люди продолжают наседать, он просто заберет Юй Уцюэ и уйдет. В конце концов, старший брат уже преследовал убийцу, проникшего на священную гору. Рано или поздно замысел кукловода вскроется, и невиновность мальчишки станет очевидной. Но если отдать его сейчас, когда его тайна висела на волоске, а в бою пришлось прибегнуть к запретным техникам... В мире заклинателей у каждого свои скрытые мотивы. Кто знает, что сотворят с юношей под благовидным предлогом искоренения зла?

Юй Уцюэ и не подозревал, что Хэ Бугуй уже обдумывает план побега. Немного успокоившись, он восстановил в памяти недавние события и осторожно коснулся руки Юэ Тинфана:

— Тинфан, младшая сестренка вела себя крайне странно. Она никогда бы не сказала ничего подобного.

— Еще бы, — зашептал тот ему на ухо. — Как думаешь, в нее вселился бес? Та техника контроля душ подчиняет чудовищ, вдруг и на людей она действует так же?

— Я клоню к другому. Это была не Сяомэй. Ее не просто околдовали — перед нами стоял совершенно другой человек.

Даже одурманенный У Тянь пытался исполнить собственное животное желание — найти самку для спаривания. Его бормотание, пусть и безумное, исходило из его собственного эго. А вот только что обвинявшая его Цзи Сюэвэй выстраивала свои лживые доводы на редкость логично и хладнокровно.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы она называла меня «братец Уцюэ»? — спросил Юй Уцюэ.

Юэ Тинфан опешил и хлопнул себя по бедру:

— Точно! Когда мы приносили клятву братства, ты полез на дерево, зацепился штанами за сук и ободрал зад до крови. Ну и смеху тогда было! С тех пор Сяомэй звала тебя исключительно «Вторым братом Цюэ» и божилась делать так до конца дней. Если подумать, это чертовски странно. Неужели в нее вселился чужой дух?

Юй Уцюэ устремил взгляд сквозь толпу туда, где лежала девушка.

— Скорее всего. Я уверен, что моя марионетка не причинила ей вреда, но дыхание у нее пропало. Это указывает на насильственное переселение души. Если из живого тела силой изгнать дух захватчика, настоящий хозяин впадает в состояние ложной смерти, а его собственная душа засыпает глубоким сном.

— Но как это доказать? — сокрушенно вздохнул Юэ Тинфан. — Этим твердолобым сейчас ничего не втолкуешь!

У Цинлань все это время молча стоял неподалеку, жадно ловя каждое слово. Безумно желая помочь Юй Уцюэ, он бесшумно проскользнул к своему дяде, У Синсюэ, и что-то быстро зашептал ему на ухо. Тот мгновенно оживился. Он решительно растолкал толпу и поднял руку, призывая к тишине.

— У меня есть способ восстановить все, что произошло за последний час. События разворачивались слишком стремительно, и чтобы никто не пытался мутить воду и возводить напраслину на невиновного, предлагаю почтенному собранию во всем убедиться лично.

Хуа Цзиньюнь недовольно фыркнул:

— Целый час? Никто не собирается тратить здесь столько времени. Если после вашего показа вина Юй Уцюэ подтвердится, мы лишь впустую уьем драгоценное время и позволим этому негодяю выкрутиться!

У Синсюэ покачал головой и неторопливо направился к носилкам Юй Уцюэ.

— Нам не понадобится целый час. Погружение в чертоги разума займет от силы четверть часа, зато все причины и следствия предстанут как на ладони. К тому же здесь собрались лучшие умы истинного пути. С вашими силами вы сможете разглядеть мельчайшие детали произошедшего. Поиск упущенных зацепок нужен не просто для обеления чьего-то имени — наша главная цель поймать убийцу. Разве я не прав, глава школы Хуа?

Сяо Ци раскрыл веер и с любопытством протянул:

— Дворец Цзюэсянь искушен в тайных учениях и магии построения. Хозяин башни Сяо не прочь взглянуть на это зрелище.

В толпе слышались одобряющие возгласы. У Синсюэ грациозно подошел к Хэ Бугую и почтительно склонил голову:

— Бессмертный Тайвэй, позвольте мне вмешаться. Мой племянник Цинлань умолял меня помочь вашему подопечному.

Хэ Бугуй холодно посмотрел на сжавшегося в толпе У Цинлани. Тот со всем почтением согнулся в глубоком поклоне. Лишь после этого Бессмертный отступил на шаг, освобождая дорогу.

— Юй Уцюэ, я должен поблагодарить тебя за спасение моего племянника. Считаю, что сегодня я возвращаю тебе этот долг, — У Синсюэ присел перед носилками. Его мягкая улыбка и вкрадчивый голос мгновенно располагали к себе. — Протяни руку.

У Синсюэ снял с запястья юноши жемчужину воспоминаний и коротко объяснил собравшимся, откуда взялась эта реликвия, какова ее сила и как она оказалась у Юй Уцюэ.

Затем он прошел в центр площадки, небрежным движением выложил из мелкой гальки простой узор и раздавил жемчужину в ладони.

— Прошу всех закрыть глаза и перенестись в чертоги разума. Юй Уцюэ станет нашим якорем, и вы сможете своими глазами увидеть каждый его шаг за последний час, — звонко произнес У Синсюэ, застыв в центре круга. — Четверть часа — и истина восторжествует.

Заклинатели послушно закрыли глаза и под тихий речитатив У Синсюэ погрузились в зыбкое море чужих воспоминаний.

В этом иллюзорном пространстве каждый мог по своему желанию ускорять или замедлять ход времени, наблюдая за событиями на Озере, Обнимающем Луну.

Вот Юй Уцюэ плечом к плечу с Бессмертным Тайвэем отважно сражается с чудовищем, вырывая из его пасти Цзи Сюэвэй. Вот Хэ Бугуй в одиночку бросается в самое пекло

демонического барьера, а Юй Уцюэ летит следом на мече, чтобы закрыть наставника своим телом от ядовитой лавы. Он получил сплошную кровавую рану на спине, и Хэ Бугуй бережно выносит полумертвого юношу на берег.

Затем общая картина сменилась: заклинатели спорят у кромки воды, Му Цинцзюнь возвращается, неся израненного Цзинь Тяньлу. И именно в этот миг сквозь дымку воспоминаний проступила жуткая деталь — среди груды гниющей плоти и отрубленных голов Тварь медленно открыла глаза.

Его глаза заволокло непроглядной черной дымкой. Тварь выждала долю секунды, и темный сгусток, покинув полусгнившую голову, скользнул прямо в тело Цзинь Тяньлу. В то же мгновение тот заговорил, а его веки затрепетали — в замедленном потоке воспоминаний отчетливо виднелась мертвенно-белая пелена в его глазах.

Как только скверна проникла внутрь, в даньтяне Цзинь Тяньлу бешено завертелись потоки духовной энергии, вошедшие в резонанс с обезумевшей марионеткой Сяо У. Улучив момент, марионетка молниеносно снесла голову несчастному протектору, а черная дымка единым росчерком покинула труп и впилась в Цзи Сюэвэй.

Цзи Сюэвэй уставилась на толпу точно таким же остекленевшим взглядом и выплюнула ядовитые обвинения. Однако в решающий миг Юй Уцюэ из последних сил перехватил контроль над марионеткой, а Бессмертный Тайвэй стянул ее суставы невидимыми нитями духовной силы. Сяо У не ломал шею девушке. В то же мгновение черная дымка вырвалась из ее рта и юркнула в кружившего над облаками ворона, который тут же взмахнул крыльями и улетел на восток.

Стоило видению рассеяться, как Юй Уцюэ, едва успев прийти в себя, истошно закричал:

— Сяомэй жива! Спасите ее!

Теперь все присутствующие убедились в его невиновности. Настоящим убийцей была та ускользающая черная тень, способная подчинять чужие тела. Юй Уцюэ никого не убивал. Осознав, что едва не сгубила безвинного, Цзи Мэй поспешно передала бесчувственную Цзи Сюэвэй в руки Истинного человека Юнлэ.

Чан Юньцин прижал пальцы к переносице девушки и, прислушавшись к ее меридианам, облегченно вздохнул:

— Это лишь глубокий сон, похожий на смерть. После обряда призыва души она придет в себя, угрозы для жизни нет. Глава алтаря Цзи может не беспокоиться.

У Синсюэ убрал построение, бережно ссыпав камешки обратно в ладонь.

— Думаю, теперь все предельно ясно. Юй Уцюэ ни при чем, а гибель правого протектора Цзинь лежит вовсе не на совести адептов Дворца Небесного Предела. Мы все тому свидетели. И если Секта Освобождения из Ада и Храм Кровавой Бездны действительно жаждут справедливости, им стоит объединить силы с остальными, чтобы выследить истинного кукловода, а не раздувать войну между школами.

Эти слова предназначались нейтральной Башне Воющей Луны. Свидетельство столь уважаемой обители лишало Секту Освобождения из Ада любых зацепок для вражды.

Бай Инчи сложил ладони в вежливом приветствии:

— Глава дворца Ву проявил истинное благородство. Примите мою искреннюю благодарность.

— Не стоит благодарностей, — У Синсюэ холодно улыбнулся и искоса взглянул на притихшего на носилках юношу. — Я лишь восстановил справедливость. Но что касается остальных тайн... вам все же придется объясниться с почтенным собранием.

Сфера воспоминаний оказалась обоюдоострым оружием. Она спасла Юй Уцюэ от клейма убийцы, но выдала все подробности его запретного мастерства. Стало очевидно, что он подчинил не только Сяо У — в каждую из десяти кроличьих кукол были заключены духи, и даже в грозную марионетку Кунда был вселен живой дух.

Но еще больше заклинателей встревожили слова покойного У Тяня, которые теперь эхом отдавались в их головах:

«Она осквернила древнюю кровь Вечности...»

«В утробе пусто. Где же ключ?»

«Ослепленный глупец, Лорд города... Спрятать ключ в теле обычного смертного...»

Увидев кроликов Юй Уцюэ, У Тянь мгновенно узнал запретное искусство контроля душ «Затмение солнца». Вывод напрашивался сам собой: именно Юй Уцюэ и был тем самым смертным сосудом, в котором сокрыт бесценный ключ.

Хотя юношу больше не считали безжалостным палачом, взгляды, устремленные на него, сменились с яростной ненависти на леденящую алчность и страх.

Хуа Цзиньюнь сделал шаг вперед:

— Глава дворца Бай, шестнадцать лет назад Дворец Небесного Предела приютил сироту из разрушенного Города Бессмертия. Вы годами ревностно оберегали эту тайну, но теперь

скрывать очевидное бессмысленно!

Бай Инчи оглянулся на Хэ Бугуя. Тот стоял неподвижно, погруженный в невеселые раздумья.

Еще когда У Синсюэ раздавил жемчужину, Хэ Бугуй понял, к чему все идет. Если тайна происхождения Юй Уцюэ раскроется, спокойной жизни мальчишке больше не видать. Благородные праведники из Башни Воющей Луны разнесут эту весть по всему свету за считанные часы. И дело не только в связи с Городом Бессмертия — одна лишь фраза о «ключе, спрятанном в смертном теле» навлечет на юношу неисчислимые беды.

Бесчисленные сокровища, артефакты, марионетки и божественное оружие, созданные некогда великим мастером Цзи Сюанем, манили любого заклинателя. Запретное искусство душ, некогда державшее в страхе Поднебесную, было пределом мечтаний для амбициозных безумцев. Обрести великую силу и абсолютную власть над миром — разве это не заманчивее туманного пути к вознесению?

И вся эта алчность, вся гниль человеческих пороков теперь должна была обрушиться на плечи Юй Уцюэ.

Его попросту разорвут на части.

Кроме того, использование запрещенных техник каралось по всей строгости закона Обители Безмерности. Как Юй Уцюэ сможет избежать жестокой кары?

Хэ Бугуй впервые за долгие годы ощутил, как к горлу подкатывает глухое раздражение. Попытавшись унять бурю в душе, он поднял взгляд и столкнулся с полным тревоги взглядом старшего брата.

— Младший брат?

Хэ Бугуй промолчал, лишь едва заметно кивнув.

Бай Инчи все понял без слов. Он развернулся к собравшимся и звучным, ровным голосом произнес:

— Ваши догадки верны. Юй Уцюэ действительно уцелевший сирота, которого мы шестнадцать лет назад забрали из Города Бессмертия. Мы растили его во Дворце Небесного Предела и скрывали его происхождение лишь ради того, чтобы уберечь от корыстных посягательств.

— Разговоры о том, что он перерождение великого мастера Цзи Сюаня — глупые домыслы. По сей день в нем не проявилось ни единого признака реинкарнации.

— Что касается искусства «Затмение солнца», то эти знания явились ему во сне. Мы провели тщательное расследование: Юй Уцюэ не лгал. Из трех тайных техник он знает лишь эту, о существовании двух других он даже не подозревал.

— Дворец Небесного Предела действительно хранил тайну, но лишь для того, чтобы ребенок мог вырасти в мире и покое. Раз уж безжалостный заговорщик вытащил ее на свет, нам больше незачем скрывать правду.

Толпа взорвалась многоголосым гулом. Десятки взглядов, острых, как бритвы, впились в испуганного юношу, готовые препарировать его заживо.

Юй Уцюэ и Юэ Тинфан замерли на месте, вытаращив глаза. Им казалось, будто они слушают легенду о каком-то совершенно чужом человеке.

Хуа Цзиньюнь помрачнел:

— Искренность главы дворца Бая делает ему честь, однако я не могу не беспокоиться о судьбе Дворца Небесного Предела. Беды сыплются одна за другой, и пусть в них нет прямой вины Юй Уцюэ, все они происходят из-за него. Боюсь, ваши стены больше не гарантируют ему безопасность, да и ваши силы не безграничны. Быть может, стоит...

Сяо Ци бесцеремонно перебил его:

— Стоит передать его Обители Безмерности. Пусть для начала ответствует за использование запретного искусства душ. А о том, где ему жить дальше, мы побеседуем, когда — и если — он выйдет оттуда живым и невредимым.

Представители Обители мечей хранили молчание, целители из Долины Сотни Цветов не решались перечить сильным мира сего, а Обитель Павшего Бессмертного ясно дала понять: долг платежом красен, невиновность доказана, а влезать в дразги с Обителью Безмерности они не намерены.

Бай Инчи прекрасно понимал, что Врата Сюаньцзе и Башня Воющей Луны так рьяно вызвались вершить правосудие лишь ради собственной выгоды.

И действительно, эти двое спелись мгновенно, разыгрывая комедию прямо на глазах у всех.

Сяо Ци насмешливо посмотрел:

— Позвольте узнать, глава школы Хуа, разве охрану границ Обители Безмерности несут не ваши верные слуги?

Хуа Цзиньюнь самодовольно ухмыльнулся:

— Какая поразительная осведомленность, хозяин башни Сяо.

Сяо Ци сложил веер и слегка постучал им по виску.

— Хотя обычно конвоированием опасных преступников занимаются безмолвные монахи, время не ждет. Передать юношу под вашу охрану будет весьма разумно и сбережет драгоценные часы.

— Истинные слова, — Хуа Цзиньюнь с торжествующим видом поклонился Баю Инчи. — Проступок Юй Уцюэ подпадает под категорию «Небесной кары» — высшую меру суда Обители Безмерности. Его надлежит немедленно заковать в цепи и отправить на суд. Надеюсь, у главы дворца нет возражений?

— Сяо Ци, — Хэ Бугуй небрежно стряхнул пылинку с широкого рукава и поднял взгляд. — Насколько мне известно, в своде законов Обители Безмерности есть один примечательный пункт: если ученик совершает тяжкое преступление, его личный наставник разделяет вину и отправляется под суд вместе с ним.

Сяо Ци кивнул:

— Все верно, бессмертный Тайвэй. Но ведь Юй Уцюэ — обычный ученик внутреннего двора. Он не приносил клятву верности ни одному из старейшин и не был избран преемником. Его проступок никак не может бросить тень на старейшин вашей школы. К чему эти расспросы?

Они ведь так отчаянно надеялись, что заступиться за мальчишку некому.

Хэ Бугуй не стал тратить слова на пустые препирательства. Он решительно повернулся, подошел к ошеломленному Юй Уцюэ и извлек из своего нефритового венца белоснежное журавлиное перо. Зажав его тонкими пальцами, он негромко, но властно приказал:

— На колени.

Юй Уцюэ, еще не успевший переварить новость о своем происхождении, внезапно осознал, что собирается сделать Хэ Бугуй. Он замер от изумления, но тело сработало быстрее разума: превозмогая боль в обожженной спине, он послушно опустился перед бессмертным на колени.

— После того как мой учитель, старейшина Сюаньцзи, отправился странствовать по свету, я унаследовал его наследие и принял имя Бессмертного Тайвэя. Искусство создания марионеток требует редкого сочетания таланта, упорства, чистоты помыслов и глубины познания меридианов. Мне годами не удавалось встретить достойного преемника. Недавние потрясения стали для нас суровым испытанием, и теперь я вижу перед собой того, кто делом доказал свое

право войти под мою сень.

Хэ Бугуй с тем же невозмутимым видом, с каким обычно избавлялся от надоедливых хлопот, прижал белоснежное журавлиное перо к губам Юй Уцюэ, а затем торжественно коснулся им лба юноши.

— Юй Уцюэ, узы наставничества связываются велением сердца. Я спрошу лишь однажды: готов ли ты назвать меня своим учителем?

Юй Уцюэ и в самых смелых грезах не мог представить, что его заветная мечта, которой он грезил последние два месяца, исполнится в такой суматохе. Не раздумывая ни секунды, он звонко и радостно воскликнул:

— Ученик готов принести клятву!

Хэ Бугуй едва заметно и тепло улыбнулся. Он мягким жестом велел юноше придвинуться ближе и бережно закрепил журавлиное перо у его простого серебряного венца.

Белоснежный пух заколыхался на ветру. Обряд вышел поспешным, без пышных подношений и даров, поэтому бессмертному пришлось отдать ученику вещь, которую он всегда носил при себе.

— Отныне ты — единственный личный преемник Бессмертного Тайвэя. Твоя жизнь и смерть, твоя честь и бесчестье неразрывно связаны с Парящим дворцом и Дворцом Небесного Предела. Придет день, и ты примешь мое наследие, чтобы защищать слабых и хранить мир в Поднебесной.

— Ученик клянется свято чтить ваши заветы! — Юй Уцюэ совершил три земных поклона. Когда он поднял голову, в его глазах блеснули слезы безудержного восторга. Позабыв обо всей боли, он во весь голос выкрикнул: — Учитель!

Хэ Бугуй завел руки за спину, развернулся к притихшим заклинателям и холодно посмотрел на Хуа Цзиньюня:

— По законам Обителя Безмерности наставник разделяет вину своего ученика. Раз уж я теперь соучастник его преступления... осмелишься ли ты взять под стражу и меня?